

ГЕЛЬМУТ ШТАЙНЕР,

профессор социологии, доктор наук, Берлин,
ФРГ

Социология профессии как призвание: Владимир Николаевич Шубкин¹

Abstract

The article is devoted to history of Soviet and Russian sociology through the prism of the prominent contemporary sociologist Vladimir Shubkin biography. Author of argue that Shubkin is an inalienable part of Soviet and Russian sociological history.

The institutionalization of Russian sociology, as well as that of Western sociology, was initiated on the threshold of 19th – 20th centuries. But since 1928, when Marxism-Leninism began to assert itself in USSR, this process has come to a halt. Only at the end of 1950s—at the beginning of 1960s both Soviet and Eastern European scientists, on their side, undertook an attempt to develop sociological science in the context of their time.

Scientific and political activities of Shubkin are related to Novosibirsk. He became the founder of Novosibirsk school in Soviet sociology. His merely sociological works embrace such major areas, as sociology of young generation, professional orientations, mechanisms of social reproduction in the fields of education and professional mobility etc.

At the beginning of 1970th, Shubkin has revealed for himself the genre of sociological publicism. He yearned for understanding the contradictory and ambiguous history of his heartland on the basis of his own experience, the history of his family, which was

¹ **Владимир Николаевич Шубкин** (1923 г. р.) — выдающийся советский и российский социолог, внесший неоценимый вклад в становление советской социологии и формирование Новосибирской социологической школы, а также в развитие методологии применения количественных методов в социологии. Тематика его исследований связана, в частности, с социологией образования, молодежи и профессионального выбора. Ныне — главный научный сотрудник, руководитель группы изучения сознания молодежи сектора социологии образования и молодежи Института социологии Российской академии наук (Москва). Является Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, членом Международного комитета по урбанистике, вице-президентом Международного научно-исследовательского комитета по социологии молодежи, членом Президентского совета Профессиональной социологической ассоциации, директором российской национальной части международного проекта «Катастрофическое сознание в современном мире».

Поздравляем Владимира Николаевича с 85-летием и публикуем статью Гельмута Штайнера о нем как о социологе по призванию.

affected by repressions like quite a lot of Soviet families, and rereading the sociological considerations of such thinkers, as Tolstoj and Dostojevskij. His humanistic and democratic credo was embodied in Vladimir Shubkin's collection of essays "Violence and freedom".

В недавно опубликованном сборнике социологических эссе «Насилие и свобода» [7] автор, семидесятитрехлетний Владимир Николаевич Шубкин, рассказывает об эпизоде, произошедшем с ним во время посещения Парижского центра социологических исследований (Centre d'Etudes Sociologiques) 25 лет тому назад. Его знакомый французский коллега проводил для него ознакомительную экскурсию в доме-музее Социологического центра и, рассказывая об истории социологических исследований во Франции, заметил: «Ведь у Вас в России нет социологических традиций». Шубкин оставил это замечание без комментариев. Покидая одну из комнат музея, он спросил: «Как зовут человека, изображенного на портрете при входе?». «Это основатель нашего Центра профессор Гурвич», — ответили ему. «Но вы не сказали откуда он родом», — заметил Шубкин. «Он приехал из России и основал этот социологический центр», — последовал ответ. Далее Шубкин спросил своего спутника, кто является нынешним Президентом Американской социологической ассоциации, и услышал ответ: «Профессор Питирим Сорокин». Когда Шубкин снова поинтересовался, из какой страны был этот ученый, его коллега опять был вынужден сказать: «Из России». При этом он осознал тихую иронию Шубкина, и, как будто извиняясь, добавил: «Да, к сожалению, мы очень плохо знаем историю российской социологии» [7, с. 136].

Между тем Шубкин и сам является неотъемлемой частью советско-российской социологической истории, которая известна на Западе все так же плохо, как и четверть столетия назад. И хотя существуют различные работы на английском, французском или немецком языках, рассказывающие о разных периодах развития социологии в России, о направлениях исследований и отдельных ученых, тем не менее эти публикации известны лишь узкому кругу специалистов. Общим достоянием научного сообщества они не стали. Несмотря на распространенные заверения и даже убежденность в интернациональности социологии в мировых масштабах, наше знание и прежде всего наши критерии развитости этой науки почти полностью заданы Западной Европой и США. Не вникая далее в причины и следствия такой ситуации, можно сказать, что эти обстоятельства, по сути, противоречат социологическому подходу. И то, насколько западноевропейская и американская социология сконструировали дисциплину в целом, можно прояснить и понять лишь при более глубоком рассмотрении национальной или региональной социологии, то есть принимая во внимание конкретные социальные условия, в которых она развивалась.

Российская социология начала институционализироваться приблизительно в то же время, что и западноевропейская: в конце XIX – начале XX века. Здесь этот процесс характеризуется тремя большими конкурирующими направлениями. Во-первых, речь идет о социологических теориях, которые зародились в непосредственной связи с русскими экономическими и культурными традициями (в том числе и «народная социология»). Во-вто-

рых, одновременно с запоздалым и неуверенным развитием капитализма в России началось становление гражданско-либеральной и социал-реформистской социологии (представителями которых были, в частности, М.Ковалевский и П.Сорокин). И, в-третьих, параллельно с предыдущими направлениями возникали марксистские концепции разного рода (В.Ленин, П.Струве). После октябрьской революции 1917 года и высылки в 1922 году известных ученых (таких, как Питирим Сорокин или Федор Степун) в обществе развернулась ограниченная, но все же обозначенная четкими позициями марксистская дискуссия, и вместе с тем вплоть до 1930-х годов внимание общественности было приковано к эмпирическим социологическим исследованиям (в области труда, проблем молодежи, бюджета времени, социокультурных изменений и др.).

С 1928 года в обществе утвердился марксизм-ленинизм сталинского толка, и социология оказалась под запретом. В эти времена в стране распространился физический террор, и иной образ мыслей в отношении основ марксизма запрещался. Все без исключения эмпирические социологические исследования были прекращены. И все это происходило в то время, когда государство как никогда нуждалось в научном анализе таких проблем общественной жизни, как социально-экономические трансформации, женская занятость на рынке труда, последствия Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, индустриализация и коллективизация в послевоенных условиях на фоне разносторонних и противоречивых процессов мобильности и миграции, а также проблем многонационального государства. Такие интеллектуальные и общественные условия отразились на жизни В.Шубкина, который родился в 1923 году в Барнауле (Алтай), и определили его научный путь, начавшийся сразу после окончания учебы в 1951 году.

Владимир Николаевич Шубкин — социологическая биография

Шубкин был социологом еще до того, как стал таковым. Это характерно для многих отцов независимой социологической науки в социалистических странах: еще до того, как они начали профессионально заниматься социологией, они воплотили в своих биографиях важнейшие социальные процессы своего века. Жизненные пути ученых отмечены столькими потрясениями, что эти события открыли им прямой путь в социологию. В данных странах социологи стали приверженцами своей науки раньше, чем она наконец появилась там.

Шубкин был настоящим сибиряком. Его дед был крепостным и работал на рудниках Алтая. В 1861 году царь Александр II отменил крепостное право и, по словам Шубкина, его дед, сущий сибирский мужик, благодаря своим занятиям землемера, самостоятельно стал признанным геометром. После 20 лет работы геометра он был признан почетным жителем Барнаула. Отец Шубкина получил школьное и профессиональное образование в учебных заведениях под эгидой православной церкви и впоследствии занялся преподаванием. В 1923 году у него родился сын Володя. 21 июня 1941 года Владимир Шубкин закончил десять классов средней школы. Этот день останется в его памяти на всю жизнь. Как затем рассказывали писатели его поколения во многих романах, 22 июня 1941 выпускные вечера были прерваны нападением фашистских войск. Шубкин, как и многие другие вы-

пускники, сразу записался добровольцем на фронт. Хаос, воцарившийся в начале войны, отсрочил его вступление в армию, но после прохождения всех формальностей доброволец Шубкин был направлен в строительный батальон. В своем заявлении он был вынужден указать, что его отец за контрреволюционную пропаганду был приговорен к десяти годам тюремного заключения без права переписки. Вместе с группой людей подобного семейного происхождения он был отправлен в бескрайние степи Сибири для строительства барачных, предназначенных для хранения продовольствия и размещения эвакуированных предприятий Украины, которым угрожали приближающиеся сражения. После многих месяцев тяжелого физического труда его отпустили домой. Шубкин подал документы для продолжения обучения, но его заявление было отклонено, и он снова записался добровольцем на фронт. В этот раз его приняли в армию. Уже в начале 1942 года он прибыл в район Сталинграда, в бою был ранен, и ему пришлось вернуться. Но вскоре он снова прибыл на Украинский фронт и дошел в боях до Донецка. Он воевал вплоть до апреля 1944 года, когда при осаде Севастополя был тяжело ранен в ногу и госпитализирован как инвалид. В 1943 году он стал членом КПСС: “Прошу принять меня в члены КПСС. Если я погибну, прошу считать меня коммунистом”, — так звучало в те времена заявление, приносимое на поле боя.

Вернувшись домой в Барнаул, Шубкин начал обучаться на инженера-строителя, но вскоре почувствовал, что это — не его профессия. Он начал посещать лекции Ленинградского университета по философии, но их догматизм заставил его в итоге выбрать экономику и закончить образование по этой специальности в 1951 году. После многих лет преподавания и обширной по направленности научной деятельности он защитил диссертацию, посвященную дифференцированной пенсии для работников сельского хозяйства, после чего при поддержке Геннадия Осипова в отделе социологии Академии наук СССР возглавил направление “Новые формы труда и образ жизни”. Шубкин был заинтересован в этой теме, потому что чувствовал, что с помощью социологии, в отличие от экономики, можно более глубоко понять мотивацию людей в их экономическом поведении, в частности в том, что касается доходов и потребления. Поскольку он уже получил научную степень, его назначили на должность научного сотрудника и доверили самостоятельно проводить исследования в области трудовой занятости.

Шубкин и “шестидесятники”

В конце 1950-х – начале 1960-х годов независимо друг от друга в большинстве восточноевропейских стран предпринимались попытки самостоятельно развивать социологическую науку на основе принципов марксизма-ленинизма. В Советском Союзе этот процесс был связан с именами Г. Осипова и Б. Грушина в Москве, В. Ядова и И. Кона в Ленинграде и В. Шубкина в Новосибирске.

Шубкин начинал проводить социологические исследования в уже известной ему сфере социологии села (1958), в частности сельского хозяйства Молдавской республики. В ранее румынской деревне Копанка в 1937 году уже проводились социологические исследования румынским социологом Дмитрием Густы. В 1960 году Шубкин использовал монографию этого уче-

ного для исторического сравнительного анализа. После Второй мировой войны в этой деревне была введена колхозная система, поэтому исследование Шубкина состояло в анализе трансформационных процессов, связанных с переходом аграрных отношений от почти феодального строя к системе государственного социализма [15; 16]. Сам Шубкин очень ценил этот первый опыт исследовательской деятельности, свою самостоятельность и независимость на полевом этапе, а также полученный тогда статистический материал. В Москве, однако, не признали работу Шубкина, оценив ее как довольно посредственную. Тем не менее этот труд был замечен и заинтересовал А.Аганбегяна.

Социологическая научная и политическая деятельность Шубкина, способствовавшие развитию советской социологии в 1960-е годы, связаны с Новосибирском. Во времена Хрущева партийные органы приняли решение о необходимости ускорения развития Сибири. В связи с этим там организовывались новые научные центры. Первый и до сегодняшнего дня наиболее значимый из них — сибирское отделение Академии наук, расположенное в Академгородке Новосибирска. В новообразованный Институт социологии для проведения социологических исследований Шубкина пригласил Аганбегян.

В 1962 году наш сибиряк вернулся назад, в далекие сибирские леса и степи и прославил, в конечном счете, Новосибирск как один из важнейших научных центров страны, после Москвы и Ленинграда. С 1966 года Шубкин возглавил сибирскую секцию и стал вице-президентом новой Советской социологической ассоциации. Долгое время в Академгородке было больше просторных аудиторий для подготовки социологических исследований, чем в Москве или даже в Ленинграде. И в них царил особенный творческий дух.

С началом “перестройки” в 1985 году в Москву были вызваны ведущие представители социальных наук: А.Аганбегян, Т.Заславская, Р.Рывкина из Новосибирска, а также В.Ядов, А.Здравомыслов, И.Кон и О.Шкаратан из Ленинграда. Шубкин же приехал работать в новом Институте социологии в 1969 году.

События в Чехословакии 1968 года, резонанс которых ощущался даже в Новосибирске, — что вызвало немало ограничений в научной работе, и Шубкин тогда надеялся, что в московском институте, возглавляемом М.Румянцевым, это будет не так ощутимо. Это было фундаментальное заблуждение, поскольку сразу после его переезда в Москву развернулась кампания против “немарксистских” позиций в институте. Румянцев был уволен и, в конце концов, управление институтом взял на себя М.Рудкевич из Свердловска. Затем деятельностью института руководили многие из его основателей, среди них и Шубкин в 1972 году. Многие из этих людей пришли в социологию из других академических институтов, что нарушало чисто социологический научный профиль института, однако другие научные институты Академий наук давали импульсы к развитию в ней самостоятельного отделения социологии или, по крайней мере, отдельных исследовательских групп (институты мировой экономики и международных отношений, системных исследований, этнографии, философии и др.).

Шубкин с самого начала, еще в Новосибирске работал в основном в трех направлениях, по трем научным темам: выбор профессии молодежью и связанная с этим межпоколенческая мобильность; престиж и привлекательность профессии; и наконец, механизмы социального воспроизводства в

системе образования, профессиональной ориентации и мобильности. Эти направления исследования в значительной мере определяли социологический профиль деятельности Шубкина.

Обращение к социальной реальности и использование результатов эмпирических исследований дополнялись в каждом случае статистическими методами. В 1967 году в Сухуми проводилась конференция, посвященная количественным методам социологических исследований, в которой приняли участие более 600 ученых. Эта конференция засвидетельствовала определенную методологическую парадигму новой социологии. Количественные методы уже в те времена не были привилегией социологии. В области экономических наук, например, в определенных исследованиях использовались математические методы, особенно в Новосибирске. Тогдашний переход социологов в Институт экономики способствовал установлению количественно-методологического направления в Новосибирской школе социологии.

В 1964 году Шубкин издал работу «Количественные методы в социологии», которая переиздавалась в переработанном варианте в 1966 году в Москве и была отмечена на конкурсе научной литературы Социологической ассоциацией. Эта работа, вышедшая даже в немецком переводе, не ограничивается описанием статистических методов, но привлекает внимание также к социальному моделированию, социальному эксперименту, оптимизации программы исследований и т.п. При этом количественные методы представляются не просто как таковые, а в связи с исследовательскими темами. Сам Шубкин впоследствии соглашался с тем, что ожидания, связанные с книгой, оправдались, а ее доработка даже превзошла их. Этот труд отвечал духу времени: стремлениям достичь методологического прогресса, прежде всего посредством распространения количественных методов и математических инструментов, согласно решениям мирового конгресса Международной социологической ассоциации (International Sociological Association) в Варне в 1970 году, да и более раннего, 1962 года — в Вашингтоне либо 1966-го — в Евiane. Вдобавок такой подход был очень важен для профессионализации социологии в социалистических странах, поскольку позволял отделить дуктивный научный способ мышления от идеологического.

В этом смысле новосибирские социологи, возглавляемые Шубкиным и активно поддерживаемые Аганбегяном, сделали огромный вклад в развитие социологии в СССР в целом.

Молодежь, образование и профессия: научные интересы в социологической деятельности Шубкина

Исследования молодежи в Новосибирской области (город с населением более миллиона и ряд близлежащих поселков и сел) Шубкин начал в 1962 году. В 1963-м он провел масштабные исследования, охватившие 4427 выпускников школ. Темой исследований была актуальная и ожидаемая профессиональная мобильность в плоскости отраслей экономики (промышленность, строительство, сельское хозяйство, сфера услуг, сфера умственного труда), а также связанных с этими отраслями образовательных профилей: технических, физико-математических, естественнонаучных и гуманитарных наук. Шубкин изучал профессии отцов, профессиональные планы

выпускников и в итоге реализацию этих планов. На основе полученных данных проводился анализ существующих и ожидаемых изменений в гендерно-профессиональной структуре Новосибирского региона.

Даже после возвращения Шубкина в Москву в 1969 году его исследования с использованием сопоставимых методических инструментов продолжались в той же области, обеспечивая информацию для сравнительного анализа, охватывающего десятки лет. Новосибирская область принадлежала к числу важнейших промышленных и научно-технических центров Сибири. Проводимые там исследования были не “моментальным снимком”, но “широкоформатным” отображением социальных изменений, происходящих в индустриальном регионе, который выделялся на фоне преобладающего в Сибири аграрного сектора.

Начиная с 1960-х годов, Шубкин в доступных пределах старался завязать контакты с учеными из других стран. Ранее он познакомился с французскими социологами, затем принимал участие в международном конгрессе социологов в Евиане в 1969 году, был активным членом исследовательских комитетов Международной ассоциации социологов (по проблемам образования и молодежи) — как представитель координационного комитета, а также как вице-президент. И в рамках международных восточноевропейских организаций (таких, как комиссии по решению тех или иных проблем в структуре Академии наук) Шубкин принадлежал к числу людей, которые, несмотря на трудности, не довольствовались ограниченным объемом информации и узким кругом мнений; он настаивал на проведении совместно с другими специалистами сравнительных исследований и выступал в роли их организатора.

Однажды вступив на путь эмпирических социологических исследований, Шубкин уже не оставлял его. Даже в сложных 1970-х годах и в начале 1980-х, когда он перешел из Института социологии в Международный институт рабочего движения Академии наук СССР, Шубкин продолжал лонгитюдные и развивал систематические международные сравнительные исследования, хотя этот институт не был ориентирован на деятельность такого рода.

С начала перестройки соратник и друг Шубкина В.Ядов переехал в Москву и занял пост директора Института социологии. Шубкин тоже вернулся в Москву. В определенный период для социологов сложилась благоприятная ситуация высокого спроса на их профессионализм в области политического и гражданского консультирования. Борцы и единомышленники в рамках социологической науки в СССР (Аганбегян, Ядов, Заславская, Шубкин и др.) смогли на короткое время привлечь внимание главных политиков страны и снискать интерес общества.

После провала перестройки, распада Советского Союза и постепенного утверждения “самодержавия” Ельцина для социологии, с одной стороны, открылись новые возможности для свободного развития в пределах существовавших институций и новых коммерческих организаций. Но, с другой стороны, наука столкнулась с такой ситуацией в обществе, когда она сильно зависела от государственного финансирования и общественного признания. Зарплаты научных работников стали одними из самых низких в стране, и даже их часто месяцами не выплачивали. В этот период многие ученые России ушли из науки, поменяв род занятий или уехав за границу, где они

занимались любого вида научной деятельностью, параллельно подрабатывая вне сферы науки, чтоб обеспечить себя. Таковы были условия существования интеллигенции в России. Тем более удивительно и достойно восхищения продолжение социологических исследований русскими учеными, в частности шестидесятниками. В лонгитюдных проектах Ядова, посвященных процессам адаптации в кризисном обществе и катастрофам сознания в современном мире, принимает участие и Шубкин, которому между тем уже исполнилось 70 лет. Как и раньше, он занимается эмпирическими исследованиями. Одновременно он продолжает и начатые в 1963 году в Новосибирске проекты. Что касается их результатов, то сегодня стоит обратить внимание на две вещи: во-первых, наблюдалось стремительное уменьшение с 1963-го по 1994 год уверенности молодежи насчет возможности получить желаемую профессию. Во-вторых, нельзя не удивляться довольно высоким значениям этих показателей в контексте безнадежной экономической и общественно-политической ситуации в стране. Это можно рассматривать как выражение неповторимого социального и психического процесса адаптации русского населения к катастрофическим условиям жизни. В этой ситуации наиболее оптимистично настроенной оставалась молодежь. Оптимизм падает с ростом жизненного опыта, однако в адаптации к новым общественным условиям нуждались все.

Это подтвердили и исследования Шубкина о функции образования в процессе общественного воспроизводства и о господствующих в регионе элитах. Исследования, проводимые в Сибири с 1963 года, накопили эмпирический материал, отобразившийся в теоретических разработках о преемственности и прерывности социальных механизмов в обществе. В таких районах Сибири, как Новосибирская область и Алтайский край, трансформационные процессы протекают медленнее и менее заметно, чем в Москве или Центральной России. Вследствие политических событий и конфликтов эти процессы меньше зависели от вмешательства политиков, а значит были социологически более “чистыми”. Поэтому значение этих исследований для анализа общероссийских процессов трудно переоценить.

Шубкин “познает самого себя”

Когда в начале 1970-х годов Шубкин был вынужден отказаться от некоторых эмпирических исследований, он открыл для себя жанр социологического и публицистического эссе как способа представления информации. Шубкин стал постоянным автором статей еженедельника “Литературная газета”, а также весьма заметного литературного и культурно-политического журнала “Новый мир”. Обсуждения социологических проблем перемежались рассуждениями по поводу общественно-политических аспектов развития Советского Союза. Вскоре его эссе приобрели и вовсе автобиографический характер.

С началом перестройки Шубкин пытается разобраться в противоречивой и неоднозначной истории своей страны и вплетенной в нее истории своей семьи. Он размышляет и ищет ответы на свои вопросы в разных источниках, узнает о судьбе своего отца и о том, что его семье сообщили неверную причину и дату его смерти. К моменту, когда Шубкин записался добровольцем в армию в 1941 году, его отец был расстрелян как “враг народа”.

Шубкин представляет результаты своих поисков, казалось бы, в лишенной эмоций форме, рассуждая о событиях как социолог. Но за этим скрывается и озабоченность, и глубинный контекст. В ранее упомянутом сборнике эссе “Насилие и свобода” Шубкин собрал свои опубликованные и не опубликованные работы. Он обсуждает и анализирует российскую и советскую историю и, оперируя этими двумя понятиями, рассматривает социологические взгляды Льва Толстого и Федора Достоевского о бюрократии как инструменте власти, о социальных механизмах власти и о царящем духовном вакууме. Шубкин задает вопрос: кто заполнит этот вакуум в современной России? Он истолковывает и обсуждает ситуацию, исходя из собственного опыта. Возможно, в некотором роде, это невеселая, но не “удручающая” книга. В ней можно усматривать гуманистическое и демократическое кредо советско-русского ученого Владимира Николаевича Шубкина.

Литература

1. Шубкин В.Н. Количественные методы в социологии / В соавт. с А.Аганбегяном и др. — М., 1966.
2. Шубкин В.Н. Социологические опыты. — М., 1970.
3. Шубкин В.Н. Молодежь и образование / В соавт. с Д.Л.Константиновским. — М., 1977.
4. Шубкин В.Н. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). — М., 1979.
5. Шубкин В.Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. — М., 1984.
6. Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства) / В соавт. с Г.А.Чередниченко. — М., 1985.
7. Шубкин В.Н. Насилие и свобода (социологические очерки). — М., 1996.
8. Шубкин В.Н. Социология образования // Социология в России / В соавт. с Я.У.Астафьевым. — М., 1998.
9. Шубкин В.Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (По материалам международных исследований) / Под ред. В.Э.Шляпентоха, В.Н.Шубкина, В.А.Ядова. Сер. “Научные доклады”, № 96. — М.; Мичиган, 1999.
10. Шубкин В.Н. Страхи в России в конце XX века / В соавт. с В.А.Ивановой // Катастрофы и общество. — М., 2000.
11. Шубкин В.Н., Иванова В.А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. — 2005. — № 2. — С. 22–28.
12. Шубкин В.Н., Астафьев Я.У. Социология образования в СССР и России // Мир России. — 1996. — Т. V. — № 3. — С. 161–178.
13. Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи на постсоветском пространстве: Россия, Украина и Литва // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1999. — № 3 (41). — С. 30–37.
14. Шубкин В.Н., Иванова В.А. Структура страхов и тревог в России и на Украине // Мир России. — 1999. — Т. VIII. — № 1–2. — С. 151–166.
15. Шубкин В.Н. Копанка 25 лет спустя. — М., 1965.
16. Шубкин В.Н. Опыт сравнительного социологического исследования молдавской деревни на материалах села Копанки // Социология в СССР. — 1965. — № 2. — С. 312–331.

Перевод с немецкого Ксении Урсулenco